

Российская цивилизация. СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ПРОБЛЕМА ФЕОДАЛИЗМА В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Автор: Т. В. ЧЕРНИКОВА

Статья 2*

После монгольского нашествия (1237 - 1242) территория Древней Руси оказалась расчлененной, а тенденция к обособлению ее Южной, Западной и Северо-Восточной частей - необратимой. Владимиро-Суздальское княжество, вчерашний "медвежий угол" государства, в XII - начале XIII в. превратилось в великое княжество и постепенно трансформировалось в центр будущей России. Русская летописная традиция XIV-XVII вв., опираясь на принцип династической преемственности киевских, владими́ро-суздальских и московских Рюриковичей, представляла Владимиро-Суздальскую, а потом и Московскую Русь в качестве прямой наследницы Киевской Руси. Данный подход не встретил серьезного возражения и в историографии XIX-XX вв., хотя многие крупнейшие историки, такие как В. Ключевский, П. Милюков, М. Грушевский, указывали на его формальный характер, подчеркивали коренные отличия Московской Руси от Киевской. Развивая эту традицию, прослежу развитие института земельной собственности в Северо-Восточной Руси времен ордынской зависимости.

Трансформация институтов собственности в Северо-Восточной Руси середины XIII - середины XV вв. Формирование вотчинного уклада

В 1240 - 1260-е гг. порядок организации государственной жизни Рязанского, Владимиро-Суздальского княжеств и Великого Новгорода претерпел изменения. Золотая Орда вписала русские земли в число своих данников, хотя и не создала собственной администрации (если не считать баскаков)¹. Выстроенная ордынцами иерархия великих и удельных князей во многом учитывала особенности прежних государственных структур Руси, но исходила из принципа верховенства ханской воли над местным правом и обычаями. При этом хан был не просто сувереном, как некогда Великий князь Киевский. По праву завоевателя хан являлся *собственником* всех территорий, жители которых, как рабы, находились в его полной воле.

---

* Статья 1 см. "Общественные науки и современность". 2005. N 5.

¹ Государственный порядок Великого Новгорода, не покоренного военным путем, был малопонятен ордынским ханам, поэтому они предпочитали действовать там через посредство Великого князя Владимирского.

Черникова Татьяна Васильевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ.

Это соответствовало правовым представлениям ордынцев. Население Золотой Орды, даже родичи Чингисидов, обладали имуществом, хозяйством или властью только опосредованно, "из рук" хана, который всегда имел право отобрать их. Воля правящего хана воплощала действующее право, все остальные неписанные обычаи или кодексы (включая священную "Ясу", законодательство Чингисхана) имели второстепенное значение. Хан стал классическим образчиком всеильного монарха - верховного хозяина ("вотчинника"), что было естественно для восточных цивилизаций вообще и для монгольской (изначально военной) державы в частности. Но данный *вотчинный принцип* был не нов и для политико-правового мышления Суздальской Руси. В этом регионе тенденция к превращению князя из политического руководителя в правителя-вотчинника имела собственные корни, уходившие в местные особенности XII - начала XIII в.

С помощью ордынцев на Северо-Востоке Руси было создано довольно аморфное политическое объединение, в центре которого находилась фигура великого князя, получавшего от хана ярлык на Великое княжение Владимирское. Как главный ставленник хана он имел определенные полномочия также в Новгороде и в Рязанской земле. Значение великого князя выросло в середине XIV в., когда в его руки перешел сбор ордынского выхода (дани). Завоеватели насильственными действиями сплотили северо-восточные и северо-западные земли в единое "историческое пространство". При этом Орда не препятствовала процессу внутреннего распада рязанского и особенно владими́ро-суздальского княжества на уделы. В конце XIII - начале XIV в. во владими́ро-суздальской земле насчитывалось уже 250 уделов. В середине XIV в. здесь появились новые владения, князья которых носили титул "великих": тверские, московские, суздальско-нижегородские. Старые политические центры - Ростов, Суздаль, Владимир зачахли, зато незначительные в XI - XIII вв. городки, типа Твери или Москвы, становились центрами крепких княжеств.

Все новые удельные княжества вырастали из княжеской вотчины. Они и *мыслились* как вотчины, где политическая власть и права владельца всей земли неразрывны и могут быть нарушены лишь ханской волей. На этом фоне объединительно-освободительный процесс в северо-восточных русских землях принял своеобразные черты. Внешней стороной его стало стремление великого князя принудить все удельные княжества, а также Новгород и Псков, признать его своим сувереном. Внутренней стороной - придание верховной власти вотчинного характера, то есть осуществление перехода всей северо-восточной русской земли и населяющих ее жителей в полную собственность Великого князя Владимирского. "Происходили ли великие князья Владимирские из Москвы, Твери или какого-либо иного удельного княжества, они всегда рассматривали свои владения как вотчину, то есть безусловную собственность. Их власть над своими владениями может быть уподоблена власти держателя *dominium*'а. в римском праве, определяемой как "абсолютная собственность, исключая иные виды собственности и подразумевающая за своим обладателем право пользования, злоупотребления и уничтожения". Поначалу вотчинные притязания князей ограничивались городами и волостями, унаследованными или лично приобретенными ими. Однако с середины XV в., в связи с укреплением могущества московских князей и их переходом к открытой борьбе за установление верховной власти над всей Русью, значение термина расширилось и стало обнимать всю страну" [Пайпс, 1993, с. 91].

Несхожесть государства-вотчины с западноевропейскими социально-политическими структурами XIII - XV вв. очевидна. Это прекрасно осознавали еще средневековые юристы на Западе. Так, в записи бесед германского императора Фридриха II с двумя правоведами сказано, что на вопрос монарха: "Не является ли он *dominus*'ом всего, что принадлежит его подданным?", поступил ответ: "Император господин в политическом смысле, но не в смысле собственника". Во Франции с 1290 г. была четко разделена личная собственность короля и собственность государства. А в Испании один из ученых XV в. заявлял: "Королю вверено лишь управление делами королевства, а не господство над вещами, ибо имущества и права имеют публичный характер и не могут являться ничьей вотчиной" [Пайпс, 1993, с. 92 - 93]. Родоначальник современной теории суверенитета

Ж. Боден в XVI в. писал, что главным критерием для различения "законного короля" от "деспота" (тирана) является то, что первый уважает право частной собственности своих подданных, а второй нет. Кстати, государства-вотчины Боден противопоставлял западноевропейским монархиям (даже "тираническим") и выделил их в особую группу "сеньориальных монархий" (*la monarchie seigneuriale*). "Монархия такого рода, по его мнению, создается в результате вооруженного захвата. Отличительным признаком *la monarchie seigneuriale* является то обстоятельство, что "король делается господином достояния и личности своих подданных... управляя ими наподобие того, как глава семьи управляет своими рабами"². В Европе Боден насчитал всего две "сеньориальные монархии" - Московию и Турцию.

Принцип княжества-вотчины вступил в противоречие с древнерусским обычаем, доставшимся в наследство от XII - начала XIII вв. и определявшим положение бояр и свободных дружинников (слуг вольных). Бояре и вольные слуги несли по преимуществу военную службу, иногда - гражданскую. При этом жили и кормились они в своих вотчинах-аллодах. Служба была вольная; обязательной она стала позднее, в московское время. Межкняжеские договоры XIII-XV вв. включали фразу: "А боярам и слугам межи нас вольным воля" [Павлов-Сильванский, 2001, с. 19]. При отъездах бояр собственность на их родовые вотчины в земле прежнего князя сохранялись за ними вплоть до XVI в. (хотя они и оставались на государственной территории прежнего князя). По мнению В. Назарова, на Руси второй половины XIII - XIV вв. присутствовали институты *многоадресности* военной службы бояр, выбора ими сеньора и устный договорной тип отношений между князьями и боярами. Это сближало сословно-статусную группу русского служилого боярства с западноевропейским рыцарством. Но, подчеркивает историк, данной тенденции не суждено было развиваться. "Превращение с санкции ханов к концу XIV века Владимирского великого княжения в вотчину московских государей... в перспективе... означало по преимуществу насильственные формы объединения под эгидой Москвы и естественное ослабление связей договорного типа. Кроме того, формирование единого Российского государства под властью одного монарха знаменовало фактический уход в небытие феномена многоадресности военной службы... Так исчезло одно из решающих условий существования потенциального рыцарства". Появление при дворе московских князей большого числа служилых князей сдвинуло старых служилых бояр на более низкие позиции, закрепленные в их новом названии "детей боярских" [Назаров, 2003, с. 53 - 55].

Сохранение прежних позиций вольных слуг ослабляло управляемость княжеств-вотчин. Удельные князья, особенно слабые или неудачники, оказывались политическими заложниками своего аллодального боярства. Так, в начальный момент конфликта Великого суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича с его младшим братом нижегородским удельным князем Борисом бояре последнего поддерживали своего князя. Но когда за Дмитрия Константиновича вступился его зять Великий князь Московский и Владимирский Дмитрий (Донской), то надежды на военный успех нижегородцев исчезли. Все вольные слуги удельного князя разом перебежали к московскому князю. При этом старейший из нижегородских бояр Румянец заявил князю Борису: "Господин княже, не надейся на нас, уже бо мы есмы отныне не твои, и несть с тобой есмы, но на тя есмы" [Павлов-Сильванский, 2001, с. 19].

Однако князья уже добились прикрепления вотчин таких отъехавших слуг к своему уделу. "С конца XIV века князья постановляют в договорах, что вотчина отъехавшего боярина остается в государственном обладании того князя, которому он прежде служил... Боярин волен служить, кому хочет, но, в качестве землевладельца, он обязан подчиняться власти местного князя; он должен платить дань не тому князю, которому служит, а тому, в уделе которого он владеет землей; кому бы боярин ни служил, но он под-

---

² Свои идеи Боден сформулировал в сочинении "Шесть книг о правлении", написанном в 1576 - 1586 гг. (пересказ и цитаты по [Пайпс, 1993, с. 92 - 93]).

лежит юрисдикции местного князя, сохраняющего право верховной собственности на его землю" [Павлов-Сильванский, 2001, с. 21]. Удельные князья-вотчинники, ввиду постоянных междоусобных войн, не могли упразднить старинный обычай вольного отъезда свободных слуг, но они противопоставили ему новый принцип, который не отменял старое право, а постепенно вытеснял его. Новые земельные пожалования переехавшим боярам и старым вольным слугам можно было давать не как аллоды, а под условие службы с правом князя лишать владельцев этих земель, если они вздумают покинуть князя. Так родились "*служни земли*", которые составили исток более позднего условного поместного землевладения. Первоначально на таком условном праве землей владели мелкие, часто несвободные княжеские слуги, которые подчинялись дворскому - управляющему княжеским двором. В завещании Ивана Калиты упоминается некий Борис Ворков, которому за службу дали село Богородицкое в Ростовской земле, и говорится, что если дети Бориса не будут служить сынам Калиты, то "село отоймут" [Павлов-Сильванский, 2001, с. 22].

Н. Павлов-Сильванский полагал, что "служни земли" весьма напоминают западноевропейские феоды. Сходство в плане условности землевладения несомненно, но вот *содержание* условий на Руси не совсем то, что на Западе. Условия получения феода создавали систему вассалитета, при которой права и обязанности, гарантированные правом, в отношениях вассала и сеньора возникали у обоих участников договора о земле. Это делало и вассала, и сеньора членами одной феодальной корпорации, просто они стояли на разных ее ступенях. В России при получении "служни земли" возникал не вассалитет, а отношения *подданничества*, в рамках которых все права были у князя (или боярина), дающего землю, а все обязанности у слуги, получающего землю. И это было вполне естественно, ведь первоначально речь шла о земельных пожалованиях несвободным людям. В разных землях их называли "слуги под дворским", "дворные люди" или "дворяне". По наблюдению историка С. Рождественского московские документы первоначально ставили "слуг под дворским" выше обычной дворовой челяди - "дворных людей", "дворян", но позже, к XV в. они начинают смешивать эти термины, что явно свидетельствует о падении социального статуса "слуг под дворским" [Павлов-Сильванский, 2001, с. 23].

В западноевропейских странах был слой, напоминающий своим положением подданническое, а не вассальное состояние. Это были *министерялы*. Они происходили из зависимых людей, даже рабов, но выполняли ответственные административные, придворные и военные поручения монархов или феодалов. За это их наделяли земельными владениями. Со временем министерялы обретали личную свободу и вливались в рыцарское сословие. На Руси, скорее, шел обратный процесс - от века к веку представители социальной элиты постепенно теряли степень своей независимости от монарха.

"Служни земли" жаловались не только "слугам под дворским", но и щедро давались боярам и вольным слугам. При этом в княжеских завещаниях оговаривалась невозможность отъезда вольных слуг при сохранении за ними этих земельных имений. Это сближало положение бояр и вольных слуг с "дворянами", постепенно формируя взгляд на "слуг вольных", как на привилегированную часть "дворни" князя. Личные гарантии дворян как владельцев "служних земель" никаким образом не оговаривались, в отличие от прекрасно проработанных личных прав европейских феодалов. Кстати, личные гарантии отъехавших вотчинников в межкняжеских договорах определялись весьма расплывчатыми обещаниями князей "не держать нелюбья" и не "посягати на них без неправы", что само по себе свидетельствовало, что такие факты случались (цит. по [Павлов-Сильванский, 2001, с. 19]).

Постепенному принижению социального статуса бояр и вольных слуг немало способствовала почти полная физическая смена социальной верхушки в ходе Батыева нашествия, вследствие массовой гибели бояр и дружинников. В. Кобрин установил по родословным книгам XVI в., что все предки бояр, жившие до нашествия Батыя, либо имеют княжеское происхождение, либо пришлые. "Боярство Московской Руси до второй половины XIII в. из этих книг неизвестно". С истреблением старого боярства, по мысли А. Юганова, "было расчищено место для расцвета новой знати, формировавшейся уже

на почве побеждавших отношений подданства", а не вассалитета [Юрганов, 1991, с. 42]. О "повторном рождении" боярства в конце XIII - XIV вв. пишет и Назаров [Назаров, 2001]. С. Чернов на основании изучения археологического материала и актов XV в. утверждает, что боярские вотчины, существовавшие в это время, сложились не ранее середины XIV в. "В более ранний период господствующей формой материального обеспечения боярства являлась передача в кормление волостей" [Чернов, 2003, с. 12]. В служилой практике середины XIV - середины XV вв. переход бояр и вольных слуг от одного князя на службу к другому естественно влек за собой потерю таких "кормлений", а также формировавшихся земельных имений. Кроме того, в межкняжеских договорах строго оговаривалось, что бояре из одного княжества не имеют права покупать вотчины за пределами земли своего князя.

Как видно, прежнее древнерусское аллодальное землевладение бояр постепенно ограничивалось и вытеснялось другими формами землевладения, связанными с принципом княжества-вотчины. Понимание князя как *dominus'a* - верховного собственника всей удельной земли превращало бояр-вотчинников в *субвладельцев*, наследственных держателей. Параллельно имела место тенденция к замене древнерусских отношений князей и дружины подданичеством, причем возникновение условного поместного землевладения только ускорило этот процесс.

Западноевропейский вассалитет в какой-то мере напоминали лишь отношения между великими, удельными и служилыми князьями³. Однако они не порождались развитием феодализма, а представляли собой пережиток древнерусского отношения к политической власти как к "отчине" (наследству) *всего княжеского рода*. Земли, города и селения княжества-вотчины в XIV-сердине XV в. делились почти поровну между великим и удельными князьями. Это хорошо видно на примере завещания Великого князя Московского и Владимирского Ивана I Калиты. Он умер 31 марта 1341 г. и оставил Москву в коллективном владении своих наследников, закрепив за ними разные части столицы. Кроме того, старший сын Ивана Калиты Семен получил 26 городов и сел, второй сын Иван - 23, третий Андрей - 21, жена Калиты с младшими детьми - 26 [Соловьев, 1988, с. 234 - 235].

Равенство раздела историк А. Экземплярский объясняет тем, что Иван I "мог сомневаться в том, что тому, а не другому сыну достанется великокняжеский стол... он отдает детям Москву в общее владение и таким образом еще вернее достигает второй цели: кто ни будет из детей великим князем, все-таки он будет московским, потому что будет привязан к Москве той частью наследства, которая предоставлена ему по завещанию" (цит. по [Кучкин, 2003, с. 4]). Однако еще С. Соловьев отмечал формальность этого "равенства": "...величина уделов следует старшинству: самый старший и материально сильнее, притом города его значительнее, например Можайск был особым княжеством; старшему же должно было получить и великокняжескую область Владимирскую с Переяславлем" [Соловьев, 1988, с. 235]. Мысль о значительном качественном преимуществе старшего наследника подтверждают наблюдения В. Ключевского и современного историка В. Кучкина. Например, значившиеся за вторым сыном Калиты как "главные города" Руза и Звенигород в данный период вообще не являлись городами, а были крупными селами, центрами волостей [Кучкин, 2003, с. 4].

В дальнейшем принцип преимущественного наделения земельными владениями старшего сына получил и количественное выражение. Иван II, занявший великий стол Московский и Владимирский по смерти своего старшего брата Семена Гордого (1353), умирая от чумы в 1359 г., выделил своему старшему сыну Дмитрию (будущему Донскому) земель в два раза больше, чем младшему Ивану [Кучкин, 2003, с. 4]. Доля Дмитрия значительно превышала и размер владений его двоюродного брата, удельного князя Серпуховского Владимира Андреевича, и долю его бабки Ульяны (вдовы Калиты) [Соловь-

---

³ Служилые князья появились в Московской Руси в конце XV в., после перехода князей Верховских окских уделов из литовского подданства в московское.

ев, 1988, с. 234]. На рубеже 1461 - 1462 гг. последний московский правитель удельного периода Василий II оставил своему сыну-соправителю Ивану III 14 городов и большую часть Москвы, а четырем младшим сыновьям вместе взятым - 13 городов. Забегая вперед, отмечу, что сам Иван III, завершивший объединение Северо-Восточной Руси и основавший единое Московское государство, в 1503 г. завещал своему наследнику Василию III "более 60 городов с уездами или целых земель с городами, его четырем удельным его братьям, всем вместе, было дано не более 30 городов, причем большею частью малозначительных" [Ключевский, 1988, с. 123]. К тому же налоги с городов Василия III втрое превосходили налоги с уделов его родни. Прекратил Иван III и обычай раздела между братьями выморочных уделов и завоеванных земель. Все эти территории становились вотчиной великого князя [Кучкин, 2003, с. 7]. Во второй половине XVI в. после конфискации удела и казни двоюродного брата Ивана IV Грозного, Владимира Старицкого, "классические" удельные владения канули в Лету.

Более низкую ступень в сравнении с удельными князьями среди князей занимали "служилые", или "служебные", князья. Эти термины не являются историографическими, они пришли к нам из документов конца XIV - первой трети XV в. Служилые князья уже не именовались "братьями младшими", что исключало и намек на союзнические обязательства между ними и их сюзеренами. Служилые князья называют Великого князя Московского уже не "братом старейшим", а "господарем" (грамота 1449 г. Василия II Темного и князя Ивана Васильевича Горбатого) [Назаров, 2003, с. 27].

Исследованием статуса служилых князей много занимались Л. Черепнин, А. Зимин, В. Кобрин, Ю. Алексеев, В. Назаров, но единого взгляда историков на место служилых князей в общественно-политической системе Руси пока нет. В работах Зимина служилые князья представлены то как влиятельная общественно-политическая корпорация, то как уходящий социальный феномен, отголосок древнерусской эпохи [Зимин, 1988]. Присутствует взгляд на служилых князей как на кратковременное заимствование из социально-политической практики главного соперника Москвы - Великого княжества Литовского и Русского [Бычкова, 1997]. Однако все историки признают, что со временем они становились все более зависимыми от великих князей. Уже в XV в., "отъезжая от бывшего сюзерена, служебный князь расставался с бывшими своими владениями. Последнее московско-тверское докончание (1399) прямо воспрещает договаривающимся сторонам "принимать" "князей служебных с вотчинами" друг от друга" [Назаров, 2003, с. 26].

Последний принцип Москва совершенно игнорировала в отношениях с Литвой. Князья так называемых Верховских княжеств, расположенных в верховьях Оки на севере Чернигово-Северской земли, в конце XV в. перешли на службу к Ивану III вместе со своими княжествами-вотчинами. Литва, проиграв последовавшую вслед за этим Пограничную войну (1487 - 1494), вынуждена была смириться с этим. Интересно, что вскоре верховские князья (Воротыньские, Одоевские, Трубецкие и др.) утратили право уйти от московского князя, сохранив за собой свои княжества. Они были уравнианы с другими служилыми князьями и получали земли "в вотчину и в удел" из рук московского князя за службу.

Позже большинство служилых князей, как и потомков удельных Рюриковичей, "добровольно" перешли на положение московских бояр-княжат (бояр с княжескими титулами). "Дворовая тетрадь" (список "лучших слуг" царя Ивана Грозного) знает 20 родов верховских "князей служилых" Рюриковичей и Гедиминовичей и несколько фамилий из 5 княжеских родов бывших независимых северо-восточных Рюриковичей (князей Оболенских, Ростовских, Суздальских, Ярославских, Стародубских) [Назаров, 2003, с. 26]. Потеря ими прежнего социального статуса отчасти компенсировалась некоторым уменьшением подозрительности власти к их персонам, крайне опасной в свете надвигавшейся опричнины.

Очевидно, что феодальные (вассально-ленные) отношения в рамках княжества-вотчины существовать не могли, так как вотчинный уклад представлял собой доминирование одного полюса - княжеской власти. На Западе же монарх, занимавший высшую сту-

пень феодальной лестницы, не мог претендовать на собственность подданных из всех слоев, а за своими вассалами признавал многие права. "Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона... и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны", - гласила Великая хартия вольностей, принятая в 1215 г., несмотря на склонность короля Англии Иоанна Безземельного к произволу [Юрганов, 1991, с. 37].

Однако надо отметить, что в "монгольской Руси" XIII - середины XV в. дело не дошло до классических отношений "государь - холопы", характерных для вотчинного типа государств. Причина этого - в политической раздробленности Руси.

Поскольку вольные слуги могли свободно менять господина, грубый нажим на социальную элиту, игнорирование ее интересов означали для удельных князей потерю подданных. Государственная власть в уделе-вотчине лишалась "рук" и "оружия", что вело к реальному ослаблению удела, а то и к утрате князем власти. Поэтому немало князей, подобно своим древнерусским предкам, стремились хорошим обращением привлечь к себе бояр. Ряд талантливых воевод середины XIII - середины XV вв. "путешествовали" от князя к князю. Московский князь Иван Калита переманил к себе на службу родоначальника знатной фамилии Квашниных - киевского боярина Родиона Несторовича. Прием, оказанный киевлянину, вызвал обиду первого московского боярина Анкифы Шубы, и он отъехал к врагу московского правителя тверскому князю Михаилу Александровичу. Про последнего тверской летописец писал, что он "сладок беаше к дружине своей, сего ради зельно мнози служаху ему и сынове сильных прилагахуся ему и двор его день от дни множайше крепляшеся" [Павлов-Сильванский, 2001, с. 19]. Во времена Дмитрия Донского мы видим волынского боярина Дмитра московским воеводой на Куликовом поле (1380), а потом, будучи уже воеводой великого литовского князя Витовта, он сложит голову в сражении на Ворскле (1399). Многие бояре того времени представляли немалую силу. Например, брянский боярин Федор Бяконт (отец митрополита Алексея) пришел из Литвы от брянского князя из династии Гедиминовичей к московскому Рюриковичу Ивану Калите с двумя тысячами слуг и холопов. Большую часть этой дворни составляли профессиональные воины.

Но если князья вынуждены были учитывать интересы своих бояр, то и бояре были заинтересованы в росте могущества своего повелителя. Это гарантировало получение новых сел. Причем, чем больше земель "стягивал" под себя князь-вотчинник, тем больше был простор для развития "частного" вотчинного землевладения его слуг. Поэтому боярство сильных княжеств-вотчин действует согласно со своими князьями. Иногда боярство спасало позиции местных династий. Яркий пример тому - история Москвы после чумных эпидемий 1350-х гг. Бояре и митрополит Алексей не дали малолетнему сироте - московскому князю Дмитрию Ивановичу - утратить права на великокняжеский владимирский ярлык. Это было нелегкой задачей ввиду соперничества с взрослыми князьями-конкурентами из иных уделов, а также из-за отсутствия в ордынской практике прецедента вручения ярлыка малолетнему "улуснику". В "Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича" умирающий Дмитрий Донской говорит, что его старшие бояре были ему "яко отцы", бояре-сверстники - "яко братья", а младшие - "яко чада", что только вместе с боярами он смог сберечь свою отчину. Бояре же клялись в ответ: "Длѣжни есми тебе служба и детемъ твоим главы свои положите" [Памятники... 1981, с. 218]. Конечно, "Слово...", написанное в 1420-х гг., не может считаться достоверным текстом беседы умирающего монарха со своими боярами (Дмитрий скоропостижно умер в 1389 г.). Но нельзя забывать, что выраженные в нем идеи - "отражение господствующих тогда представлений об устройстве общества" [Назаров, 2003, с. 53].

Итак, на Северо-Востоке Руси в середине XIV в., несмотря на трансформацию древнерусского аллодального землевладения и прежних княжеско-дружинных отношений, бояре и вольные слуги еще не чувствовали "тяжелой руки" князя - *dominus'a*, так как всегда могли воспользоваться правом покинуть его. Потеря земель прежнего господина

тут же компенсировалась земельной дачей в уделе нового господина. Социальная элита привыкала к "текучести" своих земельных владений⁴.

Представления массы простолюдинов о князе-хозяине всей земли являли собой симбиоз общинного ("первобытного") подтекста со своеобразным, также архаичным толкованием окружающих их реалий. Стойкое непонимание, по сути, отрицание русским крестьянством института частной земельной собственности вплоть до XIX в. было сформулировано в народной формуле - "земля ничья, она божья". "Справедливым" считалось пользоваться землей тому, кто расчистил и вспахал ее. Такое отношение весьма понятно, ведь стихийная колонизация крестьянами XIII-XV вв. обширных территорий Восточно-Европейской равнины, как и ранее, мало контролировалась властью. Однако монарх (хан, князь или позже царь) признавался крестьянами наместником Бога на Земле. Этим народное сознание объясняло его право на власть. В силу этого монарх признавался и верховным распорядителем земли. За пользование землей простолюдины несли тягло, то есть платили налоги и выполняли различные повинности в пользу монарха. Понятия "государя" и "государства" на Руси полностью сливались вплоть до Смуты начала XVII в.

Вопрос о землевладении социальной элиты решался в народном сознании весьма просто. Бояре и другие вольные слуги несли службу - за это монарх жаловал их землей (вотчинами или поместьями), и они могли требовать от крестьян выполнения в свою пользу повинностей (оброка и барщины). Эта трактовка частного землевладения как платы за службу верховному распорядителю земли была далека от признания частной собственности на землю. Не случайно манифест Петра III о вольности дворянства 1762 г., отменивший обязательную службу дворян, вызвал в крестьянской среде ожидание скорого освобождения крепостных и перехода к ним всей земли. Ведь, не неся службы, дворяне должны были, по народной логике, утратить и права на землю и на крестьян. Пугачевщина стала естественным итогом подобного рода убеждений. Кстати, в конце XIX в. Л. Толстой предупреждал, что если в России случится революция, это будет крестьянская революция "против собственности" [Пайпс, 1993, с. 205].

Распыленный мир крестьянских общин был совершенно не способен к консолидации в общественно-государственном масштабе. Это также усиливало становление в России жесткой самодержавной власти монарха-вотчинника. У нас, что ни затей, писал в 1820 г. П. Вяземский, без содействия самой власти, все будет пугачевщина [Вяземский, 1883]. Гигантскую роль архаичных основ народного образа жизни и менталитета в утверждении специфики русского общественно-государственного порядка, склонного к гипертрофированному превалированию государства над обществом, отмечал А. Ахиезер [Ахиезер, 1997].

Не совсем ясны поземельные отношения Русской православной церкви с удельными и великими князьями-вотчинниками. Церковь в XIII-XV вв. обладала социально-политической самостоятельностью. Ее статус и льготы гарантировала ханская власть. Причем процесс расширения льгот православной церкви тарханами золотоордынских царей был устойчивым. С середины XIV в. пошло накопление у монастырей земельных владений. В отличие от боярских монастырские вотчины долгое время не были вторичным владением. Объективно это противоречило процессу становления и развития княжеств по типу государства-вотчины.

Землевладение и статус служилых людей в Московской Руси конца XV-XVII в.

Трудно сказать, насколько глубоко чувствовалось в Северо-Восточной Руси XIII-XV вв. подспудное изменение социально-экономических и государственных начал. Судя по летописи, скорее всего оно проходило незамеченным, разве что монахи отмечали

---

⁴ "Текучесть", правда, уже на другой основе, сохранится и в Московском едином государстве. В XV-XVII вв. иностранцев в России будет поражать быстрый переход земельной собственности из рук в руки.

"некнижность" князей⁵ и большей части духовенства да возросшую жестокость нравов. Время ощутимых для современников социально-политических перемен наступило во второй половине XV - начале XVI в., когда при Иване III (1462 - 1505) и Василии III (1505 - 1533) сложилось единое Московское государство. Самостоятельные княжества исчезли. Вся русская земля стала *вотчиной* Великого князя Московского. В одночасье "устарел" его прежний титул, ставший слишком малым для правителя- *dominus'a* . Ивана III начинают именовать царем, а сам он официально принимает новый титул - "государь всея Руси". На Руси государем хозяина именовала челядь (рабы). Впервые "государем всея Руси" назвал себя еще Андрей Боголюбский, но в отличие от него Иван III стал действительно Государем, хозяином земли, ибо власть прежнего вотчинника-суверена, ордынского царя в 1480 г. рухнула.

Вольным слугам Ивана III некуда стало переходить. Покидая московские рубежи, они превращались в "изменников". Западнорусские земли в расчет не шли: Великое княжество Литовское и Русское было извечным внешним врагом Москвы. Литовским Гедиминовичам Московский государь сразу выставил "счет": потребовал "вернуть" все заселенные православными южные, юго-западные и западные русские земли. Обоснование этого требования вытекало из династической логики, но в основе ее лежал все тот же государственно-вотчинный принцип: литовские князья были Гедиминовичами, а он - Иван III - Рюрикович, поэтому все земли, некогда бывшие "отчиной" рода Рюриковичей, - его наследство.

Отношения между подданными и правителем в Московском государстве-вотчине выстроились в рамках схемы "государь-холопы". "Государевы холопы" были поделены на две главные социальные группы: *служилую* и *тяглую*. Большую часть населения составляли тяглые люди (крестьяне всех категорий, черные посадские люди, купцы). Тяглые платили налоги, выполняли в пользу государя работы и "кормили" его слуг. Служилые люди, к которым относились бояре и "дети боярские" (заменившие собой широкие слои вольных слуг и зависимых "дворян" XIII - XV вв.), служилые люди по прибору (казаки, пушкари, появившиеся при Василии III пищальщики и их преемники XVI-XVII вв. - стрельцы), а также приказные люди приводили в движение государственную машину Руси.

Служилые люди *по отечеству* (бояре и дети боярские), подобно рыцарям, в основном по наследству, несли военную службу. Но бросается в глаза немислимая для феодального сословия на Западе пестрота происхождения русских служилых людей, легкое и частое перемещение их "по социальной лестнице" вверх и вниз. Во времена Василия II и его сына Ивана III рядовой слой сынов боярских "сформировали потомки князей (например, утратившие высокий титул Волынские, Осокины-Травины, Порховские, Ржевские), обедневших бояр (Аблязовы, Аксаковы, Апраксины, Левашевы, Румянцевы), незнатные вотчинники среднего уровня (ПуЩИНЫ). В их ряды также вливались приказные деятели (Аргамаковы, Кочергины, Милославские, Ознобишины), выделившиеся из сельских общин, перешедшие на княжескую службу крестьяне (Касаговы, возможно - Нелидовы-Ракитины) и слуги бояр (Козодавлевы)". Известный беглец XVII в. Григорий Котошихин заявлял в Швеции, что многие русские дети боярские "службою и полоном освободились от рабства и от крестьянства" [Михайлова, 2003, с. 48].

С середины XV в. дети боярские разделились на "городовых" и "дворовых". "Городовыми" называли всех уездных вотчинников и помещиков. "Дворовыми" именовали замеченных при великокняжеском дворе и получавших ответственные и почетные должности.

Высший круг служилых людей составлял немногочисленный слой бояр. Они занимали высшие придворные, военные и государственные должности. В литературе термин

---

⁵ Имеется в виду их малая образованность. Дмитрий Донской был неграмотен, тогда как его предок, сын Ярослава Мудрого - Всеволод знал 5 иностранных языков, сын последнего Владимир Мономах был значительным писателем, а правнук Мономаха ростовский князь Константин Всеволодович руководил составлением летописи "домонгольской" владимиро-суздальской истории.

"боярство" часто используют как синоним знатности, хотя собственно чин "боярина" как определенный ранг на государственной службе имели не все аристократы, а только члены боярской думы - и то не все (там заседали также окольные, думные дворяне и думные дьяки). Многие бояре вели род от Рюриковичей (например, Шуйские), литовских князей Гедиминовичей (Голицыны), татарских царевичей или мурз, переехавших на Русь (Юсуповы), старинных слуг московских князей (Романовы, Салтыковы). "Государев родословец" - список знатных фамилий, члены которых имели право "местничать"⁶, был составлен в середине XVI в. при Иване IV Грозном.

В 1550 - 1552 гг. из бояр и "дворовых" детей боярских составили слой так называемых "дворян". В 1550 г. была выделена "лучшая тысяча" служилых людей по отчеству, которым предписывалось выдать земли в радиусе 60 - 70 км от Москвы, чтобы они всегда были под рукой государя. Однако неясно, сумели ли власти обеспечить этих "лучших слуг" подмосковными имениями ввиду явной нехватки "свободных" населенных земель в окрестностях столицы. В 1552 г. по приказу Ивана Грозного был составлен список государева двора ("Дворовая тетрадь"), куда включили четыре тысячи "лучших" детей боярских. Дворяне же играли роль офицерского корпуса в московском войске.

Интересно, что прежде, в конце XIII в., термин "дворяне", как уже отмечалось, означал совсем не "лучших", а мелких зависимых слуг на княжеском вотчинном дворе. "Между дворянами XIII и XVI вв. есть, однако и общее: те и другие - люди двора, они не свободны уже по названию. Стоит обратить внимание на этимологию. Бароны, сеньоры, джентри, пань - во всех этих названиях не видно признаков... подчинения кому бы то ни было. Барон - "воинственный человек", сеньор - старший, джентри - благородный, пан - господин..." [Юрганов, 1991, с. 42 - 43]. Формула официального обращения русских дворян и всех прочих к государю в конце XV-XVI вв. - "Яз холоп твой" - ясно дает понять разницу в определении своего общественного положения в сознании русской элиты от мировоззрения западных феодалов. Эта разница отражает отличие западного вассалитета от московского подданничества.

Все бояре и дети боярские в России XV-XVII вв. были обязаны нести службу с 15 лет. Они не могли самостоятельно прервать ее. Их служба была фактически пожизненной, хотя убогим и немощным давали отставку.

На Западе в это время сформировались централизованные государства (сословно-представительные, потом абсолютные монархии). С началом эры огнестрельного оружия рыцарская конница потеряла значение и была вытеснена наемной армией, которая служила по контракту за деньги, выплачиваемые из казны. Старое условное феодальное землевладение, связанное с обязательной службой владельцев феодалов, утратило смысл и постепенно трансформировалось в прямую частную собственность бывших феодалов на землю. В ряде стран (например, в Англии) дворяне какое-то время платили особый налог за неявку на службу, в других странах такой порядок отсутствовал, но главное отличие от России состояло в том, что дворяне сами решали, выходить им на службу или нет.

В XV-XVII вв. на Западе постепенно произошли "освобождение" дворянского сословия от обязательной службы и "освобождение" частной собственности на землю от обусловленности службой. Расширились корпоративные и личные права дворянства. В едином Московском государстве шло *прямо противоположное движение* - процесс "закрепощения сословий" (термин, часто используемый Ключевским). "Закрепощение дворянства" стало составной частью этой общественной реформы.

Естественно, и частное землевладение в таких условиях изменялось. Древнерусская аллодальная собственность, и без того сильно трансформировавшаяся в XIII - XV вв., с образованием единого Московского государства вообще исчезла. Древнерусский аллод заменило условное землевладение, но совсем иного толка, нежели на средневековом Западе. Как уже говорилось, все московские служилые люди, вне зависимости от вотчин-

---

⁶ Людей, не внесенных в этот документ, при попытке затеять местнический спор драли кнутом.

ного или поместного характера владения, должны были служить государю. В ходе знаменитых реформ Избранной Рады было составлено "Уложение о службе" 1556 г. Оно определяло связь владения землей (вотчинами и поместьями) с порядком несения государевой службы. Единицей расчета стало количество земли в "одном поле" при двухпольном или трехпольном севообороте. С первых 100 четвертей земли в одном поле "конно-людно и оружно" выходил сам землевладелец, со следующих - его военные холопы. Служба сводилась к участию в походах и явках на смотры, часть времени служилые люди проводили в своих домах. Во время смотров и военных действий им полагалось хлебное и денежное жалование, но оно выдавалось нерегулярно и не в полном объеме за "бедностью казны".

Указ 1621 г. требовал отбирать у служилых людей вотчины, так же как и поместья, если вотчинники уклоняются от службы. В случае выявленного невыхода на службу, а также провинностей (реальных или иллюзорных), и знатного боярина, и простого служилого человека ждало наказание. Опала влекла конфискацию имений, а то и казнь. Яркий пример тому судьба придворного Василия III - Берсеня Беклемишева, который лишился земельных владений, имущества, языка и жизни за фразу: "Прежний государь Иван Васильевич любил встречу (то есть спор), а нынешний государь встречи не любит" [Ключевский, 1988, с. 152].

Поскольку на Руси для высших и знатнейших должностных лиц действовал неизвестный на Западе институт местничества, то ответственность каждого отдельного боярина дополнялась коллективной ответственностью всех членов его рода, а порой и всего ближнего окружения, включая дворню. Нет ничего удивительного в том, что сподвижник Ивана Грозного по опричнине, родной брат второй супруги царя - Михаил Темрюкович Черкасский, попав после смерти сестры под подозрение, обнаружил свою жену, сына-младенца, всех близких ему людей и даже холопов повешенными на частоколе собственной московской усадьбы. Вскоре Михаил разделил их участь, а все дарованные ему ранее вотчины и имущество были переданы новым владельцам. У последних, впрочем, они тоже надолго не задержались.

Частновладельческая вотчина второй половины XV-XVII вв. отличалась от изначально условного русского землевладения - поместья степенью самостоятельности владельца в распоряжении своим именем. Юридически поместье, в отличие от вотчины, нельзя было заложить, отдать на помин души в монастырь, продать, подарить, отдать в приданое (за исключением особых, оговоренных с властью случаев). Его можно было порой наследовать вместе со служебной обязанностью.

Для государства поместная система представляла собой способ содержания конного войска. Другого, ввиду бедности страны и неразвитости товарно-денежных отношений, придумать было невозможно⁷. Связь помещика с территорией, где располагалось его имение, не являлась постоянной и особо прочной. Изначально поместье не было не только наследственным, но даже пожизненным владением. Государь и Разрядный приказ могли легко изъять одно поместье и предложить вместо него другое в совершенно ином уезде. Интуитивно боясь сепаратизма, Москва жаловала служилым людям имения в разных концах страны, постоянно тасовала их, меняла, не давая детям боярским составить в уездах постоянный, наследственный и уважаемый слой провинциальной элиты. При Иване III множество детей боярских из московских и прочих северо-восточных русских земель вынуждены были переселиться на новгородские, псковские и тверские просторы. Им дали поместья, выделенные из конфискованных вотчин местных бояр и вольных слуг, которых в свою очередь переселили в другие уезды Руси и наделили там поместьями, превратив в таких же привязанных к центральной власти служилых людей.

---

⁷ В XVII в. известны также беспоместные служилые люди, живущие на денежное жалование и постоянно жалующиеся на свою нищету. Реально у Московского государства XVII в., в отличие от централизованных национальных государств Западной Европы, не было денежных ресурсов для оплаты наемных ратников.

В XVI-XVII вв. молодым дворянам часто верстали земли совсем не там, где находились поместья их родителей, и стремились жаловать имения в нескольких частях страны. Старшим сыновьям обычно не доставались поместья отцов, им давали новые "в отвод". Младших могли оставить "ждать отцовского наследства". "Вследствие этого даже крупнейшие состояния представляли собою в России не латифундии, а совокупность рассеянных имений. У Морозовых, которые, благодаря своим семейным связям с царствующим домом, сделались в середине XVII в. богатейшими помещиками страны, было 9 тыс. крестьянских дворов, разбросанных по 19 губерниям" [Пайпс, 1993, с. 229]. Владения боярина Н. Морозова находились в 16 уездах, средней руки помещика стольника А. Безобразова - в 11 [История... 1996, с. 186]. То же самое касается владений Шереметевых, Салтыковых и других "столбовых дворян".

На Западе майорат и прочие условия, оговаривающие личные гарантии владельца феода и его наследника, были направлены на сохранение неизменными социального статуса феодала и размеров феода. В Московском государстве, когда сын боярский уже не мог нести службу, его отставляли от нее. При этом большая часть поместья забиралась государством. На "прожиток" обычно выделялась лишь меньшая его часть. "Урезанные земельные пенсии" полагались вдовам и сиротам погибших дворян. По Соборному уложению 1649 г. вдовы и дочери павшего в бою дворянина могли рассчитывать на 20 четвертей с каждых 100 четвертей земли (или 20%) в поместье погибшего. Если служилый человек умирал своей смертью, но во время похода, им давали 10% поместья, а если умирал дома, то 5 - 7%. При наличии малолетних сыновей поместья урезались меньше. Если сыновей было двое или больше, то могли не менять размер поместья, так как по достижении 15-летнего возраста все мальчики должны были нести службу. Со всех "прожиточных поместий" на службу поставлялись даточные люди или взамен платился особый налог. "Прожиточными поместьями" вдовы без сыновей владели до смерти или следующего замужества, а дочери сначала до 15 лет, потом до замужества. У вдовы с сыном "прожиток" чаще всего записывался как их совместное владение. Когда недоросль становился готовым для службы, "прожиток" становился его поместьем, а мать он был обязан содержать за свой счет.

Ограничения, накладываемые поместной системой, не радовали служилых людей. Они стремились расширить свои права в распоряжении поместной землей, пытались незаконно обращаться с поместьем так же, как вотчинники. Дворяне иногда менялись поместьями, сдавали их, закладывали, продавали, завещали. Если в XV-XVI вв. власть старалась пресекать эти действия, то в XVII столетии стала больше склоняться к компромиссу - ведь и помещики, и вотчинники были уже достаточно "закрепощены" по части обязательности службы. Постепенно устоялось положение, что поместье изымается и уходит в чужой род, только если у умершего служилого человека не оставалось ни жены, ни детей, ни родственников. Были узаконены и обмены равными поместьями, если они происходили в пределах одного слоя служилых людей. Наконец, наиболее значимой уступкой власти служилым людям явился указ 1676 г., допускавший обмен вотчинных земель на поместные, причем в широких рамках (вплоть до соотношения 1:10). Но при обменах такого рода участников строго допрашивали в Поместном приказе или в провинциальных воеводских избах [Павлов-Сильванский, 2001, с. 170 - 173].

Все эти послабления не меняли прежней сути поместного владения - поместья оставались собственностью государства, а помещики были лишь их наследственными держателями, получавшими землю для осуществления своей сословной обязанности - несения службы государю. Подтверждением последнего стал знаменитый и весьма ненавистный для российских дворян указ Петра I о единонаследии (1714). Этот указ уравнивал поместья и вотчины, объявив их "частным имением" российского шляхетства, но одновременно урезал права дворян на распоряжение своими поместьями: запретил дробить имение между детьми, оставляя право на наследование только одному из них. Остальные должны были искать пропитания в небольшом жаловании за службу. При этом сама обязательная служба, которая для большинства дворян прежде была периодической, при Петре I стала бессрочной обязанностью, предполагавшей постоянное пребывание

дворян в полках или гражданских учреждениях. "Закрепощение дворянства" дошло до своего логического завершения.

Условная форма землевладения в сочетании с практикой постоянной "текучести" земельных владений из рук в руки и "распыленности" семейных дворянских владений по просторам страны дали удивительные результаты. Социальная элита никак не могла консолидироваться в единое средневековое сословие, осознать свои интересы, дать им правовое оформление и заставить власть учитывать их. Бессилие и разобщенность русской элиты перед лицом государственной власти в конце XV-XVII вв. часто ставили в тупик и современников-иностранцев, и исследователей. Между тем это были *естественные следствия* вотчинного уклада. Вертикальные связи подчинения монарху служилых людей разных категорий осознавались ими не столько как корпоративные обязанности сословия, сколько как личные патрон-клиентские отношения, где патроном выступал государь, а его личными клиентами - отдельные служилые люди. Элита была представлена многочисленными мелкими слоями с размытыми социальными границами и отсутствием четкого осознания связывающего их общественного интереса. Зато все эти слои были намертво привязаны к центральной власти, что и вело к всемогуществу монарха и отсутствию на Руси XV-XVII вв. условий для возникновения сословий в западноевропейском понимании слова.

Процесс "закрепощения" служилых людей по отечеству не мог не отразиться на положении простолюдинов. По мере роста государственного аппарата, и прежде всего военных сил, государство испытывало растущую нужду в земельных ресурсах для раздачи государевым людям как платы за службу. С XVI в. государи начали жаловать служилым людям черносошные земли. На практике было продемонстрировано, что монарх-вотчинник вправе распоряжаться не только землей, но и населением своей страны-вотчины. Черносошные крестьяне, ранее свободные люди, превращались в зависимых владельческих крестьян. Заповедные лета (1581), урочные лета (1597) и Соборное уложение 1649 г. превратили их в крепостных, причем в дальнейшем в "европеизированной" России XVIII в. крепостное право только усилилось.

Анахронизмом прежних времен выглядела самостоятельность церкви с ее огромными аллодальными земельными владениями. Мысль об ограничении церковного землевладения (и даже о его полной или частичной секуляризации) приходила в голову Ивану III, его сыну Василию III, а потом и Ивану IV Грозному. Реально эти правители сумели существенно ограничить источники роста монастырских земельных имений, запретив заклад частных вотчин в монастыри и завещание монастырям земельных владений на помин души. Это явилось как ограничением властью прав частных вотчинников в распоряжении своими земельными владениями, так и вмешательством государства в хозяйственные дела церкви. В дальнейшем Борис Годунов лишил церковные земли налоговых льгот, а Алексей Михайлович в XVII в. через Монастырский приказ стал контролировать доходы от монастырских земель, причем часть из них шла на государственные нужды. Русская церковь медленно, но верно превращалась из союзника власти, наделенного относительной самостоятельностью, в придаток вотчинного государства. Закончился данный процесс в XVIII в. синодальной реформой Петра I (1721) и секуляризацией церковного землевладения в царствование Петра III, а потом Екатерины II (1762, 1764).

Система социальных отношений, построенная по принципу "государь-холопы", привела в Московской Руси к формированию менталитета населения, резко контрастирующего с менталитетом западноевропейцев XV-XVII вв. Представление о России как о личной вотчине ее монарха было аксиомой для русских людей. Посол германского императора при Василии III Сигизмунд Герберштейн так охарактеризовал русское общество: "Все люди считают себя холопами, то есть рабами своего государя". Наблюдательный иезуит А. Поссевино с удивлением констатировал, что это нетерпимое для европейца положение служит предметом гордости русских. "Наш Великий Государь (Magnus Dominus) знает все... он может развязать любой узел и разрешить все затруднения. Нет такой веры, с обрядами и догматами которой он не был бы знаком. Все, что мы имеем,

и тем, что мы хорошо ездим верхом, и тем, что мы в добром здравии, всем этим мы обязаны милости нашего Великого государя" (цит. по Пайпс, 1993, с. 116, 106]). Если до Смуты начала XVII в. в России совсем не отделяли понятие "государства" от личности монарха, то и потом это размежевание не отличалось четкостью.

* * *

Подводя итоги, отмечу: социально-экономические и политические институты Московской Руси XV-XVII вв. оказались весьма не похожи не только на западноевропейский феодализм, но и на свои древнерусские истоки. Московский общественно-государственный уклад сформировался из зачатков вотчинного уклада, присутствовавших во Владимиро-Суздальском княжестве XII - начала XIII в. Хотя нет оснований предполагать, что владими́ро-суздальская тенденция к зарождению уклада вотчинного типа была магистральным направлением развития русской истории, однако под воздействием восточного - ордынского влияния она превратилась в таковую в Северо-Восточной Руси. Если бы не христианское мировоззрение и не постоянные (правда, не всегда тесные) контакты с европейским миром, Россия могла бы трансформироваться в часть восточного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1997. *Бычкова М. Е.* Правящий класс Русского государства // Европейское дворянство XVI-XVII вв. Границы сословия. М., 1997.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. СПб., 1883.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии во второй половине XV-первой трети XVI в. М., 1998.

История России с древнейших времен до 1861 г. М., 1996.

Ключевский В. О. Курс русской истории // *Ключевский В. О.* Сочинения в 9 т. Т. 2. М., 1988.

Кучкин В. Неравное деление по-братски // Родина. 2003. N 12.

Михайлова И. Служилые люди государя и Отечества // Родина. 2003. N 12.

Назаров В. Д. "Господине, князь служебный". Новый феномен российской знати в XV в. // Родина. 2003. N 12.

Назаров В. Д. Дворовладение княжеских слуг в городах Северо-Восточной Руси (XIV-XV века) // Столичные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI - XVII вв.). М., 2001.

Назаров В. Честь боярская. Существовало ли рыцарство на Руси в XIII-XV веках? // Родина. 2003. N 12.

Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. М., 2001.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Памятники литературы Древней Руси. XIV - середина XV века. М., 1981.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен в XVIII кн. Кн. II. Т. 3. М., 1988.

Чернов С. Взлет на холмы. Раннемосковское общество и внутренняя колонизация // Родина. 2003. N 12.

Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России XIX - начала XX в. М., 1991.